

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА

УДК 340

ГОРОД – ОПЛОТ СРЕДНЕВЕКОВОЙ ДЕМОКРАТИИ

*канд. юрид. наук, доц. А.Н. ПУГАЧЁВ**(Витебский государственный университет имени П.М. Машерова)*

Рассматривается город как оплот средневековой демократии. Анализируется преемственность между Средневековьем и Новым Временем и очагами античной цивилизации, где общины-поселения породили торговлю, специализацию труда и зачатки политической свободы. Показано, что именно в городах возможна индивидуализация личности и формирование права в современном его понимании; отмечен договорной характер нового для Европы права, обретающего четкие юридические формы. Рассмотрены особенности типичных образцов городской жизни, противопоставившей себя феодально-клерикальному укладу. Выявлены причины заката городов-общин и возвышения централизованных государств. Сделан вывод, что именно в городской среде были созданы предпосылки для развития европейской цивилизации, в основе которой необходимым условием является создание конституционного правопорядка.

Ключевые слова: *община, самоуправление, товарообмен, капитализм, протестантизм, городское право, феодализм, конституционализм.*

Введение. Появление городов как торговых и промышленных центров знаменует закат Средневековья и наступление Нового Времени. В жизни европейцев позднего Средневековья возникает новая специфика: взаимодействие между людьми осуществляется не через насилие или угрозу его применения, а на основании договора. Бурный рост городов как промышленных и торговых центров, развитие обмена привели к формированию торговых союзов, которые можно рассматривать как первые транснациональные корпорации. Когда в конце Средневековья Ганзейский союз достиг зенита своего могущества, он располагал сетью учебных заведений в Северной Европе и стал заметной политической силой, с которой приходилось считаться феодалам. Как пишет А.М. Буровский, «вольные самоуправляющиеся города, воздух которых делал человека свободным, стали рассадниками идеи личной свободы, рыночных и правовых отношений [1, с. 497]. Именно с XV века, по мнению Ф. Броделя [2, с. 29], происходит общий экономический подъем, от которого выигрывают города, чему способствует рост цен на ремесленные товары, в то время как цены на сельскохозяйственную продукцию остаются прежними или даже снижаются. В результате развитие городов начинается раньше, чем сельских районов, и именно образованный город начинает диктовать свои законы. Дальше – больше: «Дрожжами цивилизационного роста в Европе стала свобода. И именно потому цивилизация вылезла из европейской кастрюли и заполнила тестом прогресса весь мир» [3, с. 510]. Но так было и раньше, что доказал В. Зомбарт: «Современный капиталистический дух есть новое явление для нашего европейского мира [...], что, однако, не исключает того, что подобный же хозяйственный дух развился уже когда-то раньше в культурах старого мира» [4, с. 17]. Откуда все началось, и в силу каких причин?»

Основная часть. Отсчет ведется с тех времен, когда в древних небольших общинах получили развитие специализация и обмен, а управление делами зависело исключительно от согласия их членов. Потребность в предметах первой необходимости (еда, орудия труда, оружие) превратила торговлю в незаменимый институт. В Европе обнаружены свидетельства торговли даже в эпоху палеолита, т.е. более 30 тысяч лет назад. Распространение торговли и основание колоний сделали возможным быстрый рост античной цивилизации (даже во времена Гомера, как повествует «Одиссея», Афина является Телемаху под видом хозяина корабля, везущего груз железа для обмена на медь). Это приводит к стремительному росту населения и возникновению греческих и финикийских центров – очагов античной культуры, которая сложилась вокруг Средиземного моря, в то время как Черное море стало периферией средиземноморской экономики. Археологические данные свидетельствуют о том [5, с. 48], что уже в античные времена между населением Прибалтики и Причерноморья существовали контакты, которые осуществлялись главным образом по речным путям (именно так попадал в Римскую Империю экзотический балтийский янтарь). В VII–X веках торговое мореплавание распространилось на Балтике, где экономика была детищем викингов. Наряду с «путем из варягов в греки» существовал волжский торговый путь. Так и на Западной Двине возник варяжский укрепленный торговый форпост Полоцк.

Организация морских перевозок и караванов, концессий и соглашений, развитие представлений о чужих народах и обычаях далеких стран – все это раздвигало границы социального восприятия, способствовало, выражаясь современным языком, «интернационализации» и «унификации» стиля, технологий, психологических установок. Торговцы выступили в роли своеобразных дипломатов-разведчиков, зало-

жили основы международных сношений: «Именно купцы, руководствуясь любовью к деньгам и предлагая товары на обмен, приносили с собой культуру и цивилизацию в самые отдаленные окраины. Торговля породила деньги – величайшее изобретение человечества. Они появились в результате меновых отношений, посредниками в оценке потребительской стоимости товара» [6, с. 63]. Возросший спрос на выгодные для торговли товары сделал возможным появление оседлых занятий и, следовательно, специализации на новых местах. «Колонии, – отметил Ф. Бэкон, – принадлежат к числу предприятий древних, изначальных и героических» [7, с. 427]. Это вызвало дополнительный рост населения и уровня жизни, а массовые перемещения людей сопровождаются существенными невольными нарушениями жизненного уклада древних племен. Индивиды вырываются из-под власти своих групп, будучи все менее связанными этикой солидарности, общих целей и коллективизма. Устраиваются новые общины-поселения, закладываются основы для создания сети взаимосвязей с членами других общин, что ведет к созданию более сложного и всеохватывающего порядка.

Растущее признание индивидуализированной собственности сделало возможным применение личной инициативы, без чего невозможны торговля и узкая специализация. Но для такого социума требовался иной порядок взаимоотношений и нормативного регулирования, основанный на нововведениях, терпимости и толерантности. Спонтанная координация усилий индивидов меньше всего предполагала централизованную власть. Из истории известно, что некоторые правительства древности, зная об опыте торговой деятельности индивидов, сами старались в административном порядке обеспечить ввоз и вывоз определенных видов товаров, постепенно захватить имеющиеся ресурсы, чтобы затем организовать военные и колонизаторские экспедиции (этим особенно славились Византия и Китай). Но правительственные договоры и торговля по твердым ценам неминуемо вели процесс экономической и культурной эволюции к краху, ведь если торговля и производство более не коррелируют с личной выгодой индивидов, продуктивность их деятельности стремительно снижается, а зародившиеся очаги новой культуры (назовем ее пра-городской) стремительно затухают. Там же, где не происходило «закручивания гаек», а люди жили по модели самоорганизующейся структуры, возникает товарищество индивидов, которое и заложило основы того, что мы называем городом. Но городом в западном, а не в восточном смысле. В неевропейских городах «слишком медленно развивалось то гражданское самосознание, которое в Европе являлось продуктом городской жизни и буржуазных понятий о гражданских правах» [8, с. 213].

Здесь необходимо понимание целого комплекса сопутствующих факторов, определяющих конкретный поведенческий тип. Как пишет Ричард Нисбетт [40, с. 56], свобода в западном понимании берет свое начало в исключительном чувстве свободы волеизъявления, которым дорожили еще древние греки, но чего не было в восточных цивилизациях. В другой своей книге [41] автор выдвигает предположение, что у различных социальных установок были экономические предпосылки. Быт древних греков был основан на занятиях, которые можно было осуществлять в одиночку: торговля, рыболовство, животноводство, а также уход за огородом и оливковой рощей. Быт же китайцев, например, тоже зависел от сельского хозяйства, но такого, в котором требовался совместный труд многих людей, как, например, выращивание риса. Возможно, сильная автократия (иногда милосердная, иногда нет) была эффективным способом управления обществом, в котором человек не выжил бы в одиночку. Таким образом, тем же китайцам и персам было необходимо развивать общество совсем в другом направлении, чем это делали греки. Результаты этого развития можно увидеть на примере десятков экспериментов, проведенных среди западных наследников древнегреческой демократии и восточных наследников византийских, конфуцианских и прочих традиций. Иными словами, люди, воспитанные в западной культурной среде, как правило, стремятся к широте взглядов и независимости от окружающих. Они действительно преследуют личную выгоду, не заботясь об интересах других (пресловутый европейский индивидуализм и эгоцентризм). В других культурах мира люди живут в более тесных рамках, и их коллективистский ментальный психотип вполне объясним.

Поэтому именно в Античном Средиземноморье отдельная личность впервые получила право самостоятельно распоряжаться в узаконенной сфере частной жизни. «Индивидуализированная собственность, – пишет Ф.-А. фон Хайек, – составляет ядро моральных норм любой развитой цивилизации; а древние греки, по-видимому, первыми поняли, что она к тому же неотделима от свободы индивида» [9, с. 54]. В одном из трудов В. Зомбарта говорится: «Мы должны считать античный дух [...] одним из источников капиталистического духа» [4, с. 257]. Ни больше, ни меньше. Это предполагает функционирование права в смысле совокупности абстрактных правил (law), позволяющих всякому индивиду в любое время удостоверить, кто правомочен владеть и распоряжаться той или иной конкретной вещью. Не случайно в самой Греции спартанцы, не признававшие частной собственности и разрешающие воровство, являлись прототипом дикого воинственного народа, отвергающего цивилизацию.

Конечно, занимавшиеся торговлей крупные общины, расплодившиеся в Средиземноморье, были слабо защищены от мародерства более агрессивных конкурентов – тех же римлян в первые годы существования республики. Однако постепенно Рим, управляемый сенаторами, интересы которых были зачастую тесно связаны с коммерческой деятельностью, явил миру прообраз частного права, основанного на

понятии индивидуализированной собственности в ее абсолютной форме. Но как только центральная власть начинала вытеснять и подавлять свободную инициативу, навязывая социуму якобы большую мудрость (о которой так пеклись Платон и Аристотель), рано или поздно появляется тенденция злоупотребления этой властью, что приводит к упадку цивилизации и утрате городами своей роли. Появление сильного государства и подавление городской самоорганизации, разрушение системы договорного частного права – это не кульминация культурной эволюции, это – признак ее конца.

В эпоху античности облик городов был разнообразен. Например, отмечает Г. Дж. Берман [10, с. 336], в период с I века до н.э. по IV–V века н.э. Римская империя состояла из тысяч городов, но эти города служили главным образом центрами административного контроля римской императорской власти и управлялись императорскими чиновниками (что напоминает Московию и Российскую империю, о чем убедительно пишет Р. Пайпс [11, с. 268]). Города Древней Греции, напротив, были самодостаточными, независимыми городами-государствами. В противоположность Греции и Риму, те города, которые возникли в Европе в XI–XII века, не были ни административными постами центральной власти, ни самостоятельными республиками. Они были нечто среднее. За редкими исключениями, одним из которых был сам город Рим, не существовало никакой политической преемственности между бывшими римскими городами и теми европейскими городами, которые очень часто возникали на месте латинских поселений.

В указанный период, «когда казалось, что даже последние следы свободы, оставшиеся от эпохи варварства, исчезли, и Европа под владычеством тысяч мелких правителей шла к установлению таких теократий и деспотических государств, какие выдвинулись вслед за варварским обществом, и в то время, когда цивилизация делала свои предварительные шаги, жизнь приняла иное направление. *Движение ее пошло по тем линиям, по которым когда-то оно совершалось в городах Древней Греции* (курсив наш. – А. П.). С единого духом, для нас почти непонятным и долгое время не оцененным историками, городские агломераты вплоть до мельчайших городов начали свертывать иго своих светских и духовных властителей. Укрепленные деревни поднялись против рыцарских замков, не захотели признавать их сначала, напали на них затем и, наконец, разрушили их. Движение распространялось от одного места к другому, захватывая каждый город на поверхности Европы. Менее чем за столетие свободные города появились на берегах Средиземного, Немецкого, Балтийского морей, Атлантического океана, у фьордов Скандинавии, у подошвы Апеннин, Альп, Шварцвальда и Карпатских гор, в равнинах России, Франции, Венгрии и Италии. [...] Всюду, где люди находили или надеялись найти какую-нибудь защиту за своими городскими стенами, они учреждали “братства”, “дружества”, связывая их членов клятвами и объединяя одной общей идеей, смело шли к новой жизни взаимной помощи и свободы. За три-четыре века они добились таких успехов, что изменили всю “физиономию” Европы» [12, с. 169]. Именно так развивалась новая свободная жизнь и родился средневековый город.

Средневековье – время господства феодального способа производства, когда античный город пришел в упадок, а жизнь исходила из деревни: «Аграрная стихия господствует повсеместно и лишь кое-где существуют скудные, полуразрушенные подобию городских центров» [13, с. 5]. Но с X–XI веков в этот аграрный мир вторгается новый элемент – город: «на первых порах город остается в административном и политическом подчинении у деревни – поместья, в идеологическом – у монастыря; хозяйственная и социальная жизнь раннесредневекового города пронизана феодальными принципами, и господствующая верхушка горожан стремится подражать сеньорам. И все-таки город постепенно подтачивает основы средневековья, сам мало-помалу преобразуясь и преобразуя своих “противников” – феодальных сеньоров. В ожесточенной борьбе между крестьянами и феодалами, между городами и сеньорами, между различными группировками внутри феодальной знати, между носителями централизма и сепаратизма надвигался конец средневековья» [13, с. 6].

Взлет произошел достаточно рано – между X и XIII веками. Именно тогда кардинально изменился образ западных городов. Жак ле Гофф [14, с. 357] связывает это с тем, что в них возобладала одна функция, оживлявшая старые города и создававшая новые, – функция экономическая, торговая, а чуть позже и ремесленная. В Германии, например, «адралжались старья, пабудаванья яшчэ рымлянамі, гарады. Спачатку яны ствараліся са стратэгічнай мэтай. З X стагоддзя пачалося будаўніцтва новых гарадоў. Паступова, дзякуючы развіццю гандлю, нямецкія гарады сталі губляць свой ваенны характар» [15, с. 25]. Город стал очагом того, что было столь ненавистно феодальным сеньорам: «постыдной» хозяйственной деятельности. Вернер Зомбарт доказал, почему «деньги сеньор презирает, почему они грязны, так же как грязна и всякая приобретательская деятельность» [4, с. 19].

На город обрушили и церковные анафемы. По наблюдению Ж. ле Гоффа [14, с. 358], тому есть свое объяснение. Если вчитаться в Ветхий Завет, то в нем показана антигородская история человечества. Основателем первого города был Каин, которому подражали все злодеи и тираны, враги Господни. Напротив, клирики, справедливые, бескорыстные и богобоязненные, жили в пустыне. Обосноваться в городе означало выбрать иной мир. Действительно, возникновение городов вместе с оседлостью, установлением собственности и развитием инстинкта собственника способствовало становлению нового мен-

талитета, заключавшегося в выборе жизни деятельной и рациональной, а не созерцательно-мистической. В действительности, как известно, все было иначе, «достаточно ознакомиться с точной картиной сеньориального образа жизни духовенства в период кватроченто» [4, с. 19], которую можно считать вполне типичной для всего образа жизни церковных иерархов в рассматриваемое время.

Расцвету городского менталитета благоприятствовало появление городского патриотизма. Город порождал у жителей гордость и восхищение, это сообщество сумело создать ценности, в известной мере общие для всех горожан, – эстетические, культурные, духовные. В то же время корпоративный уклад и разделение труда долгое время сохраняли плюралистический облик города, обусловленный жизнедеятельностью многочисленных гильдий, цехов и иных социальных структур. Умберто Эко обратил внимание на тот факт, что в городах стирались языки разных этнических групп, но стремительно «размножались *технические наречия* (зодчие говорят на языке зодчих, перевозчики камня – на своем собственном)» [16, с. 351]. Это – проявление культурного плюрализма, но в политическом и экономическом отношении спайка всех жителей городской общины в отстаивании своих прав и свобод была очень сильна. Хронисты зафиксировали сотни восстаний в городах, которые возглавлялись бюргерами. Они добивались политической власти, чтобы обеспечить себе свободу профессиональной деятельности, основы их богатства, и добиться престижа, равного их экономическому могуществу.

Возрождение европейской цивилизации в период позднего средневековья своим происхождением «обязано “политической анархии”, царившей в городах итальянского Возрождения, Южной Германии, Нидерландов, Англии с их “мягкими” системами правления, где заглавную роль играли торговцы, финансисты и мастеровые, но никак не воины» [9, с. 60]. Во всех урбанизированных регионах существовали ограничения на вмешательство в дела собственности, налагаемые на правительственную власть.

Это дало мгновенный эффект. Как показывает П.А. Кропоткин [12, с. 174] (тот самый князь-бунтарь, но и геолог, историк, географ, социолог с мировым именем ученого), уже с IX века торговые города в Италии, особенно Амальфи (где избирали консулов с 844 г.), выработали обычное морское право и торговые законы, которые впоследствии стали образцом для всей Европы. Равенна создала ремесленную организацию, а Милан с 980 года пользовался полной независимостью. Затем – Франция и Бельгия, Германия и Фландрия. Этот период смело можно назвать предтечей возрождения, рационализма, реформации. На местном уровне стали возникать органы самоуправления, «заставляя епископов, местных баронов и других представителей знати делиться властью с гражданами и в конце концов уступать им» [17, с. 98]. Зародившаяся на местах идея представительства вскоре дополнилась появлением на национальном уровне первых парламентов, которые во время модернизации развились в институты современной демократии. Это, в свою очередь, способствовало социальному плюрализму, основанному на диалоге и толерантности. Уместно воспроизвести следующий эпизод.

Важную роль в Европе в «тёмную эпоху» играли евреи, они «всегда находились в авангарде интеллектуального, технологического и экономического прогресса Запада» [42, с. 85]. На том месте, где организовывалась городская община, рано или поздно возникала или возрождалась еврейская община. По мнению Пола Джонсона [18, с. 196], их расселение в городах существовало с глубокой давности – первая книга Маккавеев приводит список еврейских колоний, разбросанных по всему Средиземноморью. Городским евреям, поголовно грамотным и владевшим счетом, что позволяло им реализовывать свои способности, если только этому не препятствовали жестокие карательные законы или физическое насилие. Например, согласно Кодексу Юстиниана и последующим установлениям, евреи Византии, в отличие от язычников и еретиков, имели узаконенный статус, запрещались акты антисемитизма (тем не менее они были подданными второго сорта, пока не обращались в христианство). Однако «во многих отношениях евреи явились единственным связующим звеном между античными городами Рима и городскими коммунами раннего Средневековья. Есть мнение, что само слово *коммуна* есть не что иное, как перевод еврейского слова *кагал*» [18, с. 197].

В адаптации к городской экономической жизни огромную помощь оказывала религия, ведь раввинистский иудаизм – настоящая проповедь работы, поскольку он требует, чтобы евреи максимально использовали способности, дарованные им Богом. В книге «Евреи, конфуцианцы и протестанты: культурный капитал и конец мультикультурализма» Лоуренс Харрисон резюмирует: «Иудаизм воспитывает рациональность и стремление к достижениям; стимулирует преследование материальных целей; сосредоточенность на посюстороннем мире; прагматизм. [Это] находится в резком контрасте с другими религиями, такими как ислам и католицизм, которые сосредоточены на загробной жизни и доктрины которых более жестки и утопичны» [...], с. 97].

Поэтому многие противоречия между католическими христианами и иудеями оказались неразрешимыми. Как ни парадоксально, наиболее удачным местом для еврейского расселения в Европе с VIII по XI столетие была завоеванная мусульманами Испания, где к ним относились с необычайным почтением и терпимостью. В христианской Европе было иначе. Евреям приходилось мириться со своей второсортностью, бесправием и шатким имущественным положением. Но их участие в экономическом развитии на основе рационализации, привитие европейцам почтения к книге и учености не подлежат сомнению.

Вслед за евреями христиане-европейцы приходят к пониманию, что необходимые условия прогресса – свобода, закон, собственность. Но эти ценности приходилось отстаивать не только потом, но и кровью. Характерный исторический эпизод приводит Ж. ле Гофф [14, с. 127]. Первого августа 1291 года жители долины Ури, вольная община из долины Швиц и объединившиеся люди из долины Унтервальден перед лицом габсбургской угрозы, поклявшись, создали вечный союз, как это часто делали члены городских и горных общин. Тогда было трудно предвидеть, что этот союз станет ядром новой своеобразной политической организации – Гельветической конфедерации. Пятнадцатого ноября 1315 года была одержана блестящая победа над Леопольдом Габсбургом у Моргартена. Военная мощь швейцарцев заявила о себе одновременно с их политическим будущим. Уже тогда в конфедерации зарождалась экономика нового типа, впоследствии органично воспринявшая идеологию кальвинизма.

Это произошло, стоит заметить, до появления протестантизма, с которым и принято связывать появление классического капитализма в Европе. Макс Вебер, стремясь обнаружить «дух капитализма» как нечто новое [19], чьи истоки следует искать в XVI столетии, сильно упрощает проблему. Например, Хью Р. Тревор-Роупер [20, с. 295] выяснил, что большинство выдающихся предпринимателей XVI–XVII веков объединяло между собой не то обстоятельство, что они были протестантами, а то, что почти все они были эмигрантами. Откуда же они взялись, что заставило их эмигрировать? Тревор-Роупер установил ряд поразительных фактов. Он обнаружил, что первоначальными центрами капитализма, как системы производства и технологии финансирования, были города, где преобладали католики, такие как Антверпен, Льеж, Лиссабон, Аугсбург, Милан, Лукка. Так было в начале XVI века, но между 1550 и 1620 годом эти центры уже переживали агонию, и секреты технологии капитализма были перенесены в другие города, чтобы быть примененными в других странах.

Почему так происходит? Причина все та же, о которой не устаем повторять. Решающим фактором стал новый союз между церковью и государством, которые с каждым годом становились все нетерпимее, и это приводило к отлучению предпринимателей-католиков от церкви, а чаще – к изгнанию за пределы страны. Поэтому они стремились в города, свободные от контроля со стороны князей и епископов, т.е. в самоуправляющиеся города, города-республики. Феодализация и клерикализм, с одной стороны, городское движение с другой – антагонистические миры. Проиллюстрируем сказанное на примере, детально рассмотренном Уильямом Бернштейном [21, с. 254]. К середине XVI века Антверпен был торговым центром мирового значения. В 1585 году герцог Пармский захватил его, но не с характерной для той эпохи любезностью позволил протестантам спокойно уйти из города (иудеи потянулись за ними, а купцы-католики выжидали). Но почти в то же время его дядя Филипп II наложил на Соединенные провинции эмбарго и захватил суда эмигрантов, стоявшие в испанских и португальских портах. Это была колоссальная ошибка короны. Одним махом Филипп создал сеть самых трудолюбивых, самых предприимчивых торговцев в мире – протестантов, бежавших из Антверпена, которые прилагали все силы, чтобы вести дела, не заходя в иберийские порты.

В итоге большинство беженцев осели в соседнем Амстердаме, который хоть и являлся голландской столицей, но никак не мог сравниться с богатейшим Антверпеном. С 1585 по 1622 год в Амстердаме становилось все больше протестантских (и не только) переселенцев, их число увеличилось с 30.000 до 105.000 [21, с. 255], более 10.000 составляла самая активная еврейская община, а город превратился в один из крупнейших в Европе. К 1650 году Голландия стала торговым центром Европы, Амстердам превратился в финансовую столицу мира. Амстердамская биржа держала в руках международную торговлю, определяла динамику цен. Решающим моментом стало создание в 1621 году голландской Вест-Индской компании – первой в мире международной торговой корпорации в форме акционерного общества. В ходе восстания против Испании повстанцы-протестанты и вовсе блокировали Антверпен, значение которого сошло на нет. После обретения независимости протестанты нанесли еще один удар по Испании – Голландия и другие европейские потребители перестали покупать испанскую соль, необходимую для заготовки мяса и рыбы, поскольку нашли иные рынки. Была разрушена одна из основных королевских монополий, что еще больше подорвало бюджет страны, не осознающей перемен в мировой политике и экономике.

И уже «к началу XVII века все дороги вели в Нидерланды. Эта страна, размером меньше Португалии и лишь слегка больше ее по населению (1,5 млн в 1600 г.), основала первую по-настоящему глобальную торговую систему. [...] Экономическая история утверждает, что в 1600 году валовой внутренний продукт составлял в Голландии 2175 современных долларов на душу населения, в Англии, Испании, Португалии – 1440, 1370 и 1175 соответственно. [...] Самые выгодные европейские кредиты – 4%. [...] Стартовый капитал голландской Ост-Индской компании – 6,5 миллионов гульденов (около 100 миллионов долларов по сегодняшним расценкам)» [21, с. 261–262]. В сельском хозяйстве процветало фермерство (крестьяне старались для себя, а не для монарха или землевладельца-феодала), горожане активно вкладывали личные средства в различные коммерческие проекты, выступая при этом вкладчиками и компаньонами. Вот что пишет Жак Ле Гофф: «Ментальность горожан [...] отличалась эгалитаризмом, основанным на горизонтальной солидарности, объединявшей людей благодаря клятве в сообщество равных;

феодалная же ментальность, тяготеющая к иерархии, выражалась в вертикальной солидарности, цементируемой клятвой верности, которую низшие приносили высшим» [14, с. 111]. Это хорошо видно на примере Испанской империи, где возникло серьезное противоречие между развитыми городами и близорукостью в религиозном и экономическом плане властью. Рассмотрим ситуацию внимательнее.

Во время Великих географических открытий (особенно открытия Америки), Испания и Португалия были могущественными и активными мировыми империями. Разбогатев за счет американского ценного металла, правящие круги Испании, олицетворявшие господствующее католическое государство, оказались неспособными осознать истинные причины своего экономического могущества. Быстро росла и паразитировала государственная и церковная бюрократия. Не имея непосредственного отношения к производству и торговле, она своими бесчисленными попытками регулировать деятельность предпринимателей вынудила последних эмигрировать. Поэтому прежде могущественные центры Контрреформации пережили упадок, а очаги ведения бизнеса в Северной Европе (Амстердам, Антверпен, Лондон, Стокгольм) стали доминировать в масштабах мировой экономики. Зарождается новая европейская, т.е. городская, цивилизация. Как выразился С. Хантингтон, «цивилизованное общество отличается от примитивного тем, что оно оседлое, городское и грамотное» [17, с. 45]. И прежде всего такие критерии «цивилизованности» сработали в финансово-экономической плоскости.

Ситуацию описал Ниал Фергюсон: «Пока новые центры на севере континента усиленно перенимали и улучшали разработанные итальянцами приемы ведения дел, одна страна выглядела совершенно чужой на празднике финансовой жизни. Изобилие драгоценных металлов сыграло с прежде грозной Испанией злую шутку. Она не построила отвечающую запросам времени финансовую систему и в поисках наличности обращалась к купцам из Антверпена, обещая расплатиться по приходе следующей партии серебра. Мадрид так толком и не понял, что настоящие деньги – там, где кончается металл и начинается кредит: с 1557 по 1696 год испанская монархия по меньшей мере четырнадцать раз полностью или частично отказывалась рассчитываться со своими кредиторами. В новом мире власть принадлежала банкирам, а не банкротам» [22, с. 65].

Испания, поддерживавшая Контрреформацию, не понимала значения коммерции. (Как в любом деле, есть и обратная сторона медали. Пол Джонсон [8, с. 389] замечает, что поскольку Испания в XV и XVI веках последовательно выдворила огромное число мавров, евреев и протестантов, то путем таких массовых изгнаний она избежала Реформации и ужасов религиозных войн). Да, отдельным предпринимателям выдавались лицензии, чтобы те своей деятельностью укрепляли монополию государства в определенной сфере, но это классический случай государственного меркантилизма, процветающий и поныне во многих странах.

Точно так же происходил закат Великой португальской империи. С XV века при королях Иоанне II и Эммануэле начались жестокие преследования евреев и мавров, в результате их изгнания государство лишилось массы людей богатых и образованных. Еще одну существенную внутреннюю проблему представляло устранение всех остатков прежней независимости городов; были пересмотрены уставные грамоты, ликвидировано самоуправление с введением прямого подчинения городов надзору королевских чиновников, отныне обладавших монополией на налоги и пошлины. Становлению абсолютизма способствовала «реализация» Юстинианова кодекса, создание королевских трибуналов вместо городских судов. Мавры – земледельцы, финансисты-евреи и горожане (торговцы и промышленники) были изгнаны, большинство активных людей оседало в заморских колониях. Страна опустела и превратилась в захолустную провинцию Европы. Получается, что предприниматели Северной Европы, принадлежавшие к протестантам и иудеям, не были чем-то новым, они оказались давно известным явлением, лишь пересаженным на новую почву. Новостью XVI столетия были не предприниматели как таковые, а обстоятельства, вынудившие их к эмиграции. Реформация, таким образом, лишь придала неотвратимую динамику развития финансово-экономической системе Европы. Торговля, финансовое дело, отношения собственности, роль права – все это оказалось возможным лишь в «городской среде» ментально нового социума, и вот почему.

Становлению частной собственности и развитию связанных с ней прав на Западе, доказывает Р. Пайпс [23, с. 145], ничто не поспособствовало так сильно, как появление в позднем средневековье городских общин, ибо то, что в сельских землях складывалось постепенно и без закрепления в законах, в городах приняло четкие правовые формы. Значение частной собственности для рыночной экономики, образующей «мускулатуру» городской жизни, определяется следующим образом. Если землей владеть и пользоваться можно, даже не имея на нее четко подтверждаемых прав и располагая возможностью ее продать, то с товарами или деньгами дело обстоит иначе: они лишь в том случае обретают какую-то хозяйственную роль, когда могут быть пущены в оборот или инвестированы, а пущены в оборот или вложены в дело могут, только являясь предметом бесспорной собственности своего владельца. Таким образом, если распространение земледелия сделало возможным соблюдать права собственности более строго, чем во времена охотников и собирателей, то в «городской экономике», основанной на торговле и промышленности, собственность стала по существу господствовать в отношениях людей к имуществу и между собой.

Свободы, завоеванные горожанами, можно представить в привычной нам разбивке: 1) политические (свобода самоуправления); 2) личные (вступать в брак, завещания, передвижения); 3) экономические (освобождение от негородских налогов и уплаты пошлин, содержать рынки, свобода от постоя); 4) правовые (уголовно-процессуальные гарантии неприкосновенности, защита прав в городских судах, свобода от обязательной службы). Эти оазисы свободы с подведенной под нее правовой основой породили современную демократию и предпринимательскую деятельность, а идеалы, выдвинутые городами, и учреждения, ими созданные, составили неотъемлемую часть западной политической традиции. Как убедительно доказал М. Вебер [24], эти институты существовали только в Европе, нигде за пределами Запада не было городов в виде единых общин.

Рассмотрим одно из многих стереотипных заблуждений, связанное с нашей историей. Например, в научной литературе отмечается, что «для IX–X веков летописи упоминают 24 русских города, в XI веке – 88 городов, вокруг которых объединились и располагались многочисленные сельскохозяйственные поселения» [25, с. 165]. Действительно, на Руси было множество городских центров, внешне похожих на образования, появившиеся в Западной Европе несколько ранее. В реальности это были крепости, которые обеспечивали безопасность правящей элиты, норманнов и их дружин, а также места складирования товаров; у крепостных стен размещались мастерские ремесленников и лавки торговцев. Но если в Европе с XI века такие примитивные крепости-города преобразуются в коммуны, добиваются самоуправления и права самостоятельно вершить суд над своими гражданами, то на Руси, если не считать Новгорода и Пскова, не происходило ничего подобного. Монголо-татары и владевшие ярлыком русские князья уничтожили в зародыше всю самостоятельность городов, подавили их коммерческую роль и включили в свою вотчину. С расширением Московского государства города физически разрушались, недвижимость изымали, а самих жителей либо отправляли в ссылку, либо переводили в разряд служивых людей, а то и простолюдинов. Города подлежали налогообложению, их статус определялся правительственным чиновником-воеводой, своего суда и самоуправления не было. По сути, город в Московском государстве, как и в большинстве регионов мира, не затронутых западной культурой, был подобием большой деревни (см. также [11]). В соседнем Княжестве Литовском все было иначе. Большинство городов имели Магдебургское право, экономические и политические привилегии, самоуправляющиеся общины и независимые суды. После покорения их Москвой они низводились до того же положения, в каком находились все остальные города. С Европой – ничего общего.

Существующая капиталистическая система, воплотившаяся в обществах, основанных на принципах плюрализма и конкуренции, прежде всего в частной сфере (неконтролируемой ни государством, ни церковью), зародилась в первую очередь в «вольных городах». Именно они способствовали зарождению и развитию буржуазии, которая методично и последовательно «восстанавливает и развивает города как знак и фундамент собственной власти» [26, с. 38]. Такая система могла развиваться лишь на почве строго определенных ценностей, благоприятствующих моральным и интеллектуальным добродетелям, необходимым для ее роста и процветания. Так на европейской арене появляется сила, исторически воплотившаяся в форме демократической республики и питаемая энергией иудаизма, гуманизма и протестного христианства. Менее чем за два столетия мир преобразился до неузнаваемости.

Следуя объективной истине, истоки современной европейской цивилизации обнаруживаются много глубже, чем в Реформационном XVI веке. «Задолго до Кальвина, – пишет Ф.-А. фон Хайек, – итальянские и голландские торговые города практиковали правила, сделавшие возможной современную рыночную экономику» [27, с. 606]. Безусловно, капиталистическая этика образовала функциональные основы протестантизма, но как таковой «капиталистический дух» проявился раньше, о чем – небольшое отступление.

Более тысячи лет (после исчезновения античного мира) усилиями клириков и феодалов стремление человека к зрелости, свободе и самоуважению подавлялось тотально. Лишь в XV веке усилиями иудейских и арабских схоластов стало возможно возрождение концепции гуманизма. Повторное открытие греческой философии и священных иерусалимских текстов (во многом благодаря Пико делла Мирандола (1463–1494) с его «Речью о достоинстве человека» [28, с. 248–265]) обычно считается основой [29, с. 92], на которой развивался итальянский Ренессанс. Максимально применяя свой разум и силу воли, человек Возрождения чувствует, что не только сам чего-то достиг, но и, делая это, выполнил волю Бога. Главное, люди перестали бояться своей собственной индивидуальности. Немецкий гуманист Ульрих Гуттен восклицал: «Науки процветают, умы пробуждаются; счастье жить в такое время!» [30, с. 611]. Именно в это время в Италии стали писать о хозяйственных вещах (Альберти, Руччелли) и впервые систематически развили передовые капиталистические взгляды. Умственное движение, охватившее Италию, перекинулось за Альпы.

Индивидуализм и культ свободной личности можно считать результатом политических и экономических обстоятельств жизни Италии, отрицания любых доктрин и догматов. В Италии, как нигде в Европе, индивидуализм проявился во власти кондотьеров, мелких князьков и правителей, поскольку власть на Апеннинах эпохи Ренессанса концентрировалась в городах-государствах, не находившихся под властью церкви. Отношения государств друг с другом больше не регулировались церковью и феодальной властью. В те времена, доказывает Георг Вебер [30, с. 600], Италия была центром сношений между народами Западной Ев-

ропы; в нее ходили с севера завоеватели, ездили церковные сановники, дипломаты и торговцы, стремились юноши, желавшие учиться, и любознательные люди средних и даже пожилых лет. Они разносили из нее новые научные понятия по своим землям. Вспомним Ш.-Л. Монтескье [31] с его известным суждением о том, что именно торговля способствовала распространению цивилизации и смягчению нравов среди варваров Северной Европы, но здесь следует учитывать географические и климатические условия Средиземноморья.

С появлением искусства дипломатии возникает концепция баланса властей и современное представление о межгосударственных отношениях. Возвышающееся сословие торговцев стояло по важности сразу за аристократией, а города-государства добились процветания по целому ряду причин: местоположение, финансирование правителей, изменение психологического отношения к зарабатыванию денег. Однако не следует забывать, что «итальянский прорыв» состоялся в эпоху самого «мрачного» средневековья. Гумилев Л.Н. [32, с. 230] связывает это с мощным импортным пассионарным генофондом, рассеянным по стране многочисленными завоевателями: греками, арабами и берберами, нормандцами, германцами, французами и испанцами, т.е. в XII и XIII века. Ссылаясь на многочисленные исследования, В. Зомбарт [4, с. 248] доказывает, что дух флорентийцев во многом объясняется тем, что в их жилах текла этруская, греческая, азиатская и германская кровь. Именно в это время итальянцы продемонстрировали совершенно головокружительные наклонности.

Жители небольших городов, по тем временам очень маленьких и слабых, – Венеции, Генуи, Пизы, Ливорно, Флоренции – бросились вдруг в отчаянные финансовые операции, занялись торговлей на Средиземном море, обслуживанием королей Европы, благодаря чему у них развилась юриспруденция и наука о дипломатии. В результате эти города быстро превратились в исключительно богатые центры с большим скоплением всякого рода имущества и людей. Меркантилизм их жителей органично сочетался с любовью к искусству и наукам. Важнейшим центром североитальянского конгломерата была Флоренция. Как пишет Георг Вебер [30, с. 595], многочисленные итальянские государи и республиканские правительства соперничали между собою в покровительстве гуманистам. Но особенно это развилось во Флоренции; возрождению наук в ней благоприятствовали энергичная, умственная деятельность, возбуждаемая политической борьбой, многочисленность образованных богатых людей, благосостояние массы населения, сближение сословий торговыми и промышленными занятиями. Все это делало Флоренцию похожей на греческие республики в лучшие времена. Тосканцы были даровитое племя; из него вышли гениальные правители, финансисты, торговцы, ученые, писатели. Наречие этой области сделалось литературным языком всей Италии.

У флорентийцев была особая манера вести торговлю и основывать предприятия, в связи с чем Вернер Зомбарт отнес их к тем трем народностям (наряду с шотландцами и евреями), в которых «купеческий» дух «расцвел раньше всего и в наиболее чистом виде» [4, с. 117]. Начиная приблизительно с XIII столетия Флоренция занимается торговлей, в то время как другие города Италии воевали. Будучи сухопутной, она никогда не обладала ни военным флотом, ни даже сколько-нибудь значительным торговым флотом. Своих успехов они достигали самыми что ни на есть цивилизованными способами: 1) деньгами (в конце концов государями этой страны стала семья менаж – Медичи [22, с. 53]); 2) договорами; 3) знанием дела. «Знаменитая флорентийская суконная промышленность, быть может, первая действительно капиталистически организованная промышленность, есть дитя торговли шерстью, следовательно, порождена чисто купеческим духом. *Общественная жизнь в этом городе – только отражение этого торгашеского духа*», – делает вывод В. Зомбарт [4, с. 120]. Умелость в торговле, экономность и прилежное ведение учета в хозяйстве – таковы его основы.

Могуществу Флоренции способствовало и ее государственное устройство – чрезвычайно многосложное, но очень продуманное [30, с. 484]. Так сложилось во многом благодаря исторической случайности [4, с. 394]: вражде между императорской и антиимператорской партиями – цехи во Флоренции уже в XII веке достигли участия в управлении городом. В 1193 году были расчищены пути для политического могущества общественного строя. Получается, что цеховое устройство – не смертельный враг зарождающегося капитализма. Мещанские и христианские добродетели удачно сочетались с предпринимательским духом и передовым политическим устройством. По форме правление было демократическое: собрание граждан, созываемое звоном колокола и сходявшееся на площади перед Palazzo Vecchio, имело верховную законодательную власть и выбирало правителей. Но в действительности оно лишь утверждало законы, предлагаемые господствующей партией, и назначало ее кандидатов на должности, распределенные заранее. Когда господствующая партия считала надобным взять в свои руки произвольную власть, по ее предложению, собрание граждан назначало комиссию с неограниченными полномочиями, называвшуюся *балией*. Полномочия давались на месяцы, даже на целые годы; балия в это время назначала всех сановников. Высшим правительственным учреждением была сеньория, состоявшая из 8 приоров цехов под председательством гонфалониера юстиции. Синьории были подчинены комитеты, заведовавшие разными отраслями администрации, а также трибуналы; члены их назначались по жребию из списка граждан, составляемого синьорией. Для внесения в список нужно было одобрение 2/3 членов синьории. Имена внесенных в список опускались в урну, и жребий решал, кто из них будет членом того или иного ко-

митета или трибунала. Срок этих должностей был четырехмесячный; члены синьории избирались только на два месяца. Более того, чтобы подавить сильное сеньориальное самосознание, «уже в 1292 году *popolani*, т.е. люди с кровью торговцев, добились того, чтобы никакой *grande* не мог попасть в члены городского управления» [4, с. 252]. С позиций сегодняшнего дня такое устройство не очень понятно и представляется чрезмерно усложненным, но все-таки очевидно и то, что быстрая смена сановников и своеобразная система «сдержек и противовесов» имели целью предотвратить деспотизм и нелегитимный захват власти во флорентийской республике. Интересен и тот факт, что Тоскана была настоящей твердыней католического клерикализма.

В романе «*Имя Розы*» Умберто Эко через диалог героев романа препарировал ситуацию с абсолютной точностью: «Город в Италии – это что-то совсем другое, чем у меня на родине. Не только место обитания. Это место принятия решений. Тут вечно все на площади. Городские магистраты значат больше, чем император или папа. Они ... Как некие царства [...] А цари тут купцы. А сила их в деньгах. И деньги здесь, в Италии, ходят не так, как у тебя в стране. Или у меня. То есть, конечно, деньги везде деньги, но у нас в значительной степени жизнь определяется и управляется обменом товаров. Мы вымениваем или покупаем петуха, куль зерна, мотыгу, повозку: деньги нам служат для приобретения товаров. В итальянских же городах, как ты, может быть, заметил, все обстоит наоборот: товары служат для приобретения денег. Священнослужители, епископы, даже религиозные ордена вынуждены пересчитывать жизнь на деньги. И именно по этой причине восстание против власти здесь оборачивается восстанием против денег; те, кто выключен из денежного обихода, борются против правительства; всякий призыв к бедности встречает сильнейший отпор, и целые города, от епископа до магистрата, воспринимают как личного врага всякого, кто слишком ратует за бедность» [33, с. 152–153]. В долгосрочной перспективе у Савонаролы, как известно, не было никаких шансов на успех.

Дело в том, что зародившийся в каролингские времена феодализм обрел наиболее законченные формы во Франции и Германии, но не достиг завершенности в Италии, где прочность античных традиций и раннее участие сеньоров в городской жизни связывали его развитие. Феодализм имел аграрную основу – это прежде всего система землевладения. Если для Франции и Германии неизменной и главенствующей была организация сельского пространства, где обмен был слабым и нерегулярным, монета разной, а наемный труд почти неизвестным, то для Северной Италии характерны интенсивная торговля, распространение денежного хозяйства и растущее превосходство купца над производителем. Не случайно в развитых феодальных системах растущая дистанция между экономическим могуществом и социально-политической слабостью высших городских слоев привела к буржуазным революциям XVII и XVIII веков.

Феодализм всегда противопоставлялся городскому движению. Как пишет Ж. ле Гофф [14, с. 111], своей политической организацией, коммуной, оно действительно было нередко направлено против сеньоров, особенно церковных; немало епископов стало жертвой восставших горожан, как, например, во французском Лане в 1112 году. Городская жизнь питалась ремесленной и торговой активностью, тогда как феодализм жил за счет поместья, земли. Ментальность горожан отличалась эгалитаризмом, основанным на горизонтальной солидарности, объединявшей людей благодаря клятве в сообщество равных; феодальная же ментальность, тяготеющая к иерархии, выражалась в вертикальной солидарности (вассальный договор), цементируемой клятвой верности, которую низшие приносили высшим. К тому же феодальная система хоть и приблизилась к праву собственности, не достигла его. С этой стороны денежное хозяйство и вообще система городской собственности (с правом пользования и распоряжения) оказались противостоящими феодальной экономической организации.

Эпоха Ренессанса ознаменовалась рождением современного капитализма, который можно определить «как систему, в которой индивид сознательно и рационально, с помощью экономических средств ищет возможности получить финансовую прибыль. Именно тогда появились рациональные методы ведения счетов и банковские операции» [29, с. 98]. Поэтому достаточно неожиданно было прочесть у Ричарда Пайпса, известного апологета либерализма и проницательного историка, слова о том, что «хотя местом, где впервые широко развернулась торговля, была Италия, итальянские города-государства не родили никакой экономической доктрины в пользу капитализма» [23, с. 20]. Масштаб города-государства ознаменовал становление новой эпохи. Говорят, «городской воздух делает людей свободными». Откуда появилось это изречение, ставшее классическим афоризмом? Авторство не стоит приписывать М. Веберу. Французский историк Жак Ле Гофф связывает его с урбанизацией средневековой Европы: «...городское влияние было благоприятным для населения деревень. Крестьянин-переселенец обретал там свободу: или, обосновавшись в городе, он автоматически становился свободным – зависимое состояние не признавалось на городской земле, – или же город, завладев своей округой, спешил освободить сервов. Отсюда знаменитая немецкая правовая норма: “Городской воздух делает свободным” (“*Stadtluft macht frei*”). Она имела уточнение: “*Городской воздух делает свободным через год и один день*”, то есть после того, как человек пробудет столько времени в городе» [14, с. 359]. Но между городами и их сельским окружением были сложные отношения. Именно город породил университеты и юристов, разработавших в конце средневековья право, обращенное против крестьян.

В присутствии ему блестящем стиле О. Шпенглер запечатлел, что «городская душа, которая вначале отделяется от души земли, затем с нею уравнивается и в конце концов пытается ее подавить и изничто-

жить. [...] Стоит появиться городской жизни как таковой, а с ней возникнуть духу общности среды, обитателей этих небольших поселений, духу, воспринимающему собственную жизнь в качестве чего-то особого, непохожего на жизнь снаружи, как начинает действовать волшебство *личностной свободы*, вовлекающая внутрь городских стен все новые потоки существования. [...] Скрепки, пронизывающие всю деревенскую жизнь, оказываются разорваны» [34]. Вне городских стен укоренялась крепостная зависимость, принявшая в Западной Европе совершенные формы в 1000–1400 годах. Обитатели деревень удерживались в прикрепленном состоянии, чтобы обеспечить тем самым взнос налогов.

Отношения между всеми сословиями предельно обострились и усложнились. Крестьяне не могли преобразовать общественный строй; они – консервативный элемент социума, а мятежи были мимолетными порывами, производившими разрушение, но не создававшими нового порядка. Другое дело – сословие горожан. Да, они произошли от селян, и в число их непрерывно вливались люди крестьянского происхождения, но «когда говорят о горожанине, тем самым противопоставляют его селянину» [35, с. 12]. Горожане окрепли в осознанной и неустанной борьбе с дворянами и местными правителями; новая цивилизация развивалась в их среде. Если государи в конце средних веков давали пиры и вели войны, дворянство истощало свои последние силы на поддержку пустых сословных притязаний, духовенство находилось в нравственном упадке, жизнь горожан – единственная светлая сторона общественного быта тех времен. Слияние представителей разных сословий, происходившее в свободных городах, создавало такие отношения между людьми, результатом которых было устранение узких условных понятий средневекового общества, и установленные им разграничения сословий падали. Были созданы психологические предпосылки для построения социума нового типа.

Городская культура в Европе всегда развивалась по пути модернизации, которая включает в себя индустриализацию, растущий уровень грамотности и образованности, благосостояния и социальной заботы, прогресс в сфере научных и инженерных знаний, религиозную и этническую толерантность (лишь евреи составляли по объяснимым причинам редкое исключение). Именно в городской среде были созданы сложные и многосторонние профессиональные структуры – гильдии, братства, цехи, корпорации. Город как современный облик цивилизации все более отличался от традиционных культур. В условиях городской цивилизации, отмечает С. Хантингтон [17, с. 93], возросшее взаимодействие может не породить общую культуру, но оно облегчает передачу технологий, изобретений и структур из одного общества в другое со скоростью и в степени, которые были невозможны в традиционном мире. Если последний основан на сельском хозяйстве, то город немыслим без промышленности, которая может эволюционировать от ремесел до наукоемких технологий и производств. Для традиционной культуры велика зависимость от естественной окружающей среды, для индустриальной модели местные природные условия – это не главный фактор.

С появлением городов современная культура Запада обретает все более универсальный характер, Европа превращается в конгломерат, именуемый в настоящее время цивилизацией. Это можно объяснить тем, что «различия в организации промышленности вытекают, скорее, из различий в культуре и социальной структуре, а не в географии, причем различия в первой, вероятно, могут сгладиться, а в традиционной – нет» [17, с. 94]. Триада «город – модернизация – универсализация» выглядит вполне логичной конструкцией, и отделение ее от аграрной культуры имело твердую правовую основу. На примере Швеции Раймон Леже [36, с. 181] показывает, что уже с середины XVI века были приняты национальные кодексы: но один – для деревень, а другой – для городов, которые будут применяться до 1734 года. Правосудие, основываясь на дуализме городских и деревенских судов, стало унифицированным лишь во второй половине XX века.

Западноевропейский город, по мнению Р. Пайпса [23, с. 236], способствовал образованию трех институтов: 1) абсолютной частной собственности в виде капитала и городской недвижимости в то самое время, когда основное производственное имущество, земля, находились в условном владении; 2) самоуправление и независимое судопроизводство; 3) общее гражданство в том смысле, что жители городов были свободными людьми, которые обладали гражданскими правами в силу места их проживания, а не в соответствии с их общественным положением. Подобные города с «Магдебургским правом» в Великом Княжестве Литовском появились с XIV века, о чем пишет Н.В. Мисаревич [15, с. 26]. Несколько столетий развитие на белорусских землях происходило так, как и в остальной Европе. В настоящее время Беларусь – единственная из европейских стран, где местное самоуправление носит номинальный характер. Такова судьба любого вотчинного государства, пусть и на современный лад.

Изучая город как историческую общность, уделим необходимое внимание той поразительной и заметной его черте, которую принято называть городским правом. Наряду с другими системами светского права – феодальным, манориальным и торговым – оно представляло собой особый феномен. Эта система права рассматривается Г.Дж. Берманом в категориях ее коммунитарного характера (1), светского характера (2), конституционного характера (3), способности к росту (4), ценности как системы (5) [10, с. 367]. Указанные черты ученый связывает с особенностями социальных и экономических отношений внутри города, которые обусловили его органический рост и способствовали великим историческим переменам. Рассмотренные Г.Дж. Берманом характеристики городского права могут быть представлены следующим образом.

Коммунитарный характер имел первостепенное значение в системе городского права, которое функционировало во взаимосвязанном и интегрированном сообществе – коммуне, которая основывалась на выраженном или подразумеваемом договоре. Такую роль играли городские хартии. Это обуславливало партиципаторность, коллективность отношений, что проявлялось в правовых требованиях взаимной помощи граждан и защиты против врагов. Поскольку городское право, признавая определенное правовое равенство всех граждан, и богатых, и бедных, не допускало последних к выборам руководителей, оно до постфеодального периода имело сословный характер.

В отличие от городов Греции и Рима, городские общины Запада не несли ответственность за поддержание религиозного культа, богослужение и вера не входили в городскую юрисдикцию. Иными словами, право, относящееся к соблюдению норм и доктрин религии в пределах города, было не городским (или императорским) правом, а каноническим сводом католической церкви. Конечно, городское сообщество не было безразлично к вере, но задача его была *светская*, состоявшая преимущественно в обуздании насилия и регулировании политических и экономических отношений, отправлении правосудия. Значение имели мирские, преходящие ценности, которые горожане рассматривали как предписанные Богом.

Несмотря на то, что термин «конституционализм» вошел в обиход на стыке XVIII–XIX веков, его реальность как таковая проявила себя в городских правовых системах Западной Европы много ранее. *Конституционный* характер городского права обусловлен тем, что полномочия и власть городов были подчинены ограничениям. Городское право в большинстве случаев основывалось на писаных хартиях; система организации управления подобно современным системам конституционного правления подразделялась на законодательную, исполнительную и судебную отрасли; гражданские права (рациональная судебная процедура, недопущение произвольных арестов и заключений, право на ношение оружия, уважение прав иностранцев) неуклонно соблюдались. Гражданские свободы обычно включали освобождение от многих феодальных повинностей и строгие ограничения королевских прерогатив. Горожане всегда оговаривали права и свободы, относящиеся к участию в управлении публичными делами. Например, жители Лондона получили право избирать себе мэра в 1231 году.

Для городского права характерна его *способность к росту*, то есть тенденция не только к изменению, но и к осознанному органичному развитию. «Процесс роста западного города невозможно объяснить без упоминания его исторического самосознания, ощущения им собственной исторической непрерывности и развития, осознания им собственной стабильности как сообщества, собственного движения из прошлого в будущее» [37, с. 286]. Эта тенденция находила отражение в проводившихся время от времени сборе и систематизации обычаев города вместе с присягами различных должностных лиц. Она отразилась также в регулярном издании и периодической систематизации постановлений органов городского управления и уставов гильдий в его пределах. Даже римское право, специально принятое некоторыми городами, было всего лишь составным источником осознанного роста городского права.

Способность и тенденция городского права к росту отчасти вдохновлялись *системным характером* римского и канонического права. В городском праве, как и в каноническом, и других правовых системах того времени, в случае коллизии между источником права обычай уступал статуту, а тот – закону. Статуты гильдий подлежали рассмотрению и одобрению городских властей, которые налагали на последних обязанность периодически пересматривать свои статуты. Процесс этого роста нельзя объяснить без обращения к «правовому измерению Папской революции, и особенно с убеждением, что реформирование и спасение светского порядка должны происходить путем постоянного прогрессивного развития правовых институтов и периодического пересмотра законов во имя победы над силами хаоса и несправедливости» [10, с. 374]. Самой поразительной и заметной чертой западного города можно назвать его историческое сознание и осознание своего развития, веру в свое движение из прошлого в будущее, его понимание собственного поступательного, развивающего характера.

Заключение. Средневековые города оказали огромную услугу европейской цивилизации. Говоря словами П.А. Кропоткина [12, с. 225], они не дали ей превратиться в теократические и деспотические государства древнего мира; они придали ей разнообразие, уверенность в себе, силу инициативы и ту огромную интеллектуальную и материальную энергию, которая наполнила глубокие нужды человеческой природы и создала максимально возможную полноту жизни. Как заметил Умберто Эко, если «крестовые походы будоражат провинциальную жизнь средневекового человека, [то] борьба коммун сообщает ему новое гражданское сознание» [38, с. 302].

Но почему с конца XVI века городские общины приходят в упадок? Основная причина – появление в Европе могущественных государств, построенных по древнеримскому образцу. Их цель – объединить и упорядочить страну, но, как отмечает Б. Кагарлицкий [5, с. 131], это было невозможно, не покончив с остатками средневековых вольностей. Поражение Новгородской республики, развивавшейся «лицом к морю», но «спиной к стране» – классический пример. После того как христианская церковь потерпела неудачу в попытке создать теократическую империю, наиболее умные и честолюбивые епископы пошли на службу государям. В конце концов, крестьяне, которых города не сумели или отказались освободить,

возложили свои надежды на короля, Императора и великого князя. Не стоит забывать, что централизованная власть успешно противостояла нашествиям внешних врагов – арабов, монголов и турок.

Но все же главный фактор – раздоры внутри самих городов, появление привилегированных сословий, что неизбежно приводило к нарушению принципов равенства и феодализировало обычаи и привычки самого города. Совершенно ясно, что можно проследить по Южной Италии, где «уже с конца XV столетия, а в остальных частях страны с XVI столетия радость от наживы и деловое трудолюбие уступают место спокойному, полусеньориальному, полурантьежному образу жизни. [...] Во Флоренции очевидно презрение к работе и жажда дворянских титулов, [...] стремление богатых к рыцарскому достоинству. [...] Теперь видишь только шпоры, стремяна и золоченые пояса, когда каждый стремится стать доктором прав или медицины, нотариусом, офицером или рыцарем, [но] пришла горькая нищета» [4, с. 159]. Наконец, торговая политика вовлекала города в предприятия с другими регионами, ставка делалась на колониализм, но это бремя становится для города непосильным. Верхушка городов стремительно обогащалась, расслоение усиливалось, начинались бесконечные городские восстания против «тиранов», но призванные «спасители» (тот же Савонарола) оказывались еще хуже. Горожане разuverиваются в себе, они не способны к новой жизни, и государству остается сделать лишь один шаг, чтобы сокрушить их последние вольности.

Реанимация городов состоялась спустя несколько столетий, в эпоху научно-технического подъема, немалого без масштабной урбанизации. Она, по мнению Наима Мозеса [39, с. 110], из всех аспектов любой революции действует наиболее интенсивно и мобильно. Многие из факторов, способствовавших удерживать централизованную власть, утрачивают прежнюю эффективность – когда образованных и сплоченных людей становится больше, и они живут более полноценной жизнью, их труднее разбивать на группы и контролировать, навязывать им свою волю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Буровский, А.М. Несбывшаяся Россия / А.М. Буровский. – М. : Яуза, Эксмо, 2007. – 512 с.
2. Бродель, Ф. Динамика капитализма / Ф. Бродель. – Смоленск : Полиграмма, 1993. – 125 с.
3. Никонов, А.П. За фасадом империи. Краткий курс отечественной мифологии / А.П. Никонов. – М. : ЭНАС ; СПб. : Питер, 2012. – 512 с.
4. Зомбарт, В. Буржуа: Этюды по истории духовного развития современного экономического человека; Художественная промышленность и культура : пер. с нем. / В. Зомбарт. – М. : ТЕРРА–Книжный клуб, 2009. – 576 с.
5. Кагарлицкий, Б.Ю. Периферийная империя: циклы русской истории / Б.Ю. Кагарлицкий – М. : Алгоритм, Эксмо, 2009. – 576 с.
6. Никонов, А.П. Управление выбором. Искусство стрижки народных масс / А.П. Никонов. – М. : ЭНАС ; СПб. : Питер, 2011. – 304 с.
7. Бэкон, Ф. Сочинения : в 2-х т. / Ф. Бэкон. – 2-е испр. и доп. изд. Т. 2. ; сост., общ. ред. и вступ. ст. А.Л. Субботина. – М. : Мысль, 1978. – 576 с.
8. Джонсон, П. Современность. Мир с двадцатых по девяностые годы : в 2-х т. / П. Джонсон, Т. I ; пер. с англ. В. Атанасов, Д. Матев. – М. : Аноубис, 1995. – 528 с.
9. Фон Хайек, Ф.-А. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма : пер. с англ. / Фридрих Август фон Хайек. – М. : Изд-во «Новости» при участии изд-ва «Catallaxy», 1992. – 304 с.
10. Берман, Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования : пер с англ. / Г.Дж. Берман. – 2-е изд. – М. : Изд-во МГУ : Издат. группа ИНФРА-М–НОРМА, 1998. – 624 с.
11. Пайпс, Р. Россия при старом режиме / Р. Пайпс. – М. : Независимая газ., 1993. – 421 с.
12. Кропоткин, П.А. Взаимопомощь среди животных и людей / П.А. Кропоткин. – Минск : БелЭн, 2006. – 320 с.
13. Ястребицкая, А.Л. Западная Европа XI–XIII веков. Эпоха. Быт. Костюм / А.Л. Ястребицкая. – М. : Искусство, 1978. – 176 с.
14. Ле Гофф, Ж. Цивилизация средневекового Запада / Ж. Ле Гофф ; пер. с фр. В.А. Бабинцева. – Екатеринбург : Изд-во У-Фактория, 2005. – 560 с.
15. Місарэвіч, Н.В. Магдэбургскае права на Беларусі / Н.В. Місарэвіч. – Гродна : ГрДУ, 2003. – 107 с.
16. Эко, У. Поиски совершенного языка в европейской культуре / У. Эко; пер. с итал. и примеч. А. Миролюбовой. – СПб. : Александрия, 2009. – 423 с.
17. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций / С. Хантингтон ; пер. с англ. Т. Велимеева. – М. : АСТ, 2014. – 571 с.
18. Джонсон, П. Популярная история евреев / П. Джонсон ; пер. с англ. И.Л. Зотов. – М. : Вече, 2001. – 672 с.
19. Вебер, М. Протестантская этика и дух капитализма : пер. с нем. / М. Вебер // Избр. произведения ; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова ; предисл. П.П. Гайдено. – М. : Прогресс, 1990. – 808 с.
20. Новак, М. Дух демократического капитализма / М. Новак ; пер. с англ. В.Г. Маргутика. – Минск : Лучи Софии, 1997. – 544 с.

21. Бернстайн, У.Дж. Великолепный обмен: история мировой торговли / У.Дж. Бернстайн ; пер. с англ. И. Летберга. – М. : АСТ, 2014. – 508 с.
22. Фергюсон, Н. Восхождение денег / Н. Фергюсон ; пер. с англ. А. Коляндра, И. Файбисовича. – М. : АСТ: CORPUS, 2013. – 431, [1] с.
23. Пайпс, Р. Собственность и свобода: рассказ о том, как из века в век частная собственность способствовала внедрению в общественную жизнь свободы и власти закона / Р. Пайпс ; пер. с англ. Д. Васильева. – М. : Моск. шк. полит. исслед., 2000. – 415 с.
24. Вебер, М. Город : пер. с нем. / Макс Вебер ; сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова ; предисл. П.П. Гайденко. – М. : Прогресс, 2000. – 102 с.
25. Власов, В.И. Философия правосудия в диалогах / В.И. Власов. – М. : Изд-во РАГС, 2010. – 336 с.
26. Эко, У. О литературе : эссе / У. Эко ; пер. с итал. С. Сидневой. – М. : Изд-во АСТ: CORPUS, 2016. – 416 с.
27. Фон Хайек, Ф.А. Право, законодательство и свобода: Современное понимание либеральных принципов справедливости и политики / Фридрих Август фон Хайек ; пер. с англ. Б. Пинскера и А. Кустарева ; под ред. А. Куряева. – М. : ИРИСЭН, 2006. – 644 с.
28. Пико делла Мирандола, Дж. Речь о достоинстве человека : в 2-х т. Т. 1 / Дж. Пико делла Мирандола // Эстетика Ренессанса : Антология / сост. и науч. ред. В.П. Шестаков. – М. : Искусство, 1981. – 495 с.
29. Франкл, Дж. Цивилизация: утопия и трагедия / Джорж Франкл ; пер. с англ. А.Г. Вронской. – М. : АСТ: Астрель, 2007. – 254, [2] с.
30. Вебер, Г. Всеобщая история / Г. Вебер. – М. : Типография В.В. Исленьева, Большая Кисловка, домъ Архипова, 1888. – 629 с.
31. Монтескье, Ш.Л. О духе законов / Ш.Л. Монтескье. – М. : Мысль, 1999. – 672 с.
32. Гумилев, Л.Н. Конец и вновь начало: популярные лекции по народоведению / Л.Н. Гумилев. – М. : Айрис-пресс, 2007. – 384 с.
33. Эко, У. Имя розы / У. Эко. – СПб. : Симпозиум, 2004. – 252 с.
34. Шпенглер, О. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории. Всемирно-исторические перспективы / О. Шпенглер ; пер. с нем. и примеч. И.И. Маханькова. – М. : Мысль, 1998. – 606 с.
35. Дзэбаш, Ш. Уводзіны ў палітыку / Ш. Дзэбаш, Ж.-М. Пант'е ; пер. з фр. А. Істоміна, С. Барысевіча, Ю. Жалезкі ; пад рэд. І. Бабкова [і інш.]. – Мінск : ЭўроФорум, Беларускаі Фонд Сораса, 1996. – 624 с.
36. Леже, Р. Великие правовые системы современности: сравнительный подход / Р. Леже. – 2-е изд. перераб. ; пер. с фр. А.В. Грядова. – М. : Волтерс Клувер, 2010. – 592 с.
37. Берман, Гарольд Дж. Вера и закон: примирение права и религии / Г.Дж. Берман ; пер. с англ. Д. Шабельникова и М. Тименчика ; под ред. Н. Мальхиной. – М. : Б-ка Моск. шк. полит. исслед., 1999. – 432 с.
38. Эко, У. Искусство и красота в средневековой эстетике / У. Эко ; пер. с итал. А. Шурбелева. – М. : АСТ: CORPUS, 2015. – 352 с.
39. Мойзес, Н. Конец власти / Н. Мойзес ; пер. с англ. Н. Мезина, Ю. Полещук, А. Сагана. – М. : АСТ, Corpus, 2016. – 512 с.
40. Нисбетт, Р. Мозгоускорители: Как научиться эффективно мыслить, используя приемы из разных наук / Р. Нисбетт ; пер. с англ. – М. : Альпина Паблишер, 2016. – 320 с.
41. Нейсбит, Р. География мысли : пер. с англ. / Р. Нейсбит. – М. : Изд-во «АСТ», 2012. – 285 с.
42. Харрисон, Л. Евреи, конфуцианцы и протестанты: культурный капитал и конец мультикультурализма / Л. Харрисон ; пер. с англ. Ю. Кузнецова. – М. : Мысль, 2014. – 286 с.

Поступила 30.09.2016

THE CITY – THE BASTION OF MEDIEVAL DEMOCRACY

A. PUGACHEV

The city as the bastion of medieval democracy are considered. Succession between the Middle Ages and the advent of the New Time and the centers of an antique civilization where communities generated trade, specialization of work and rudiments of political freedom is shown. It is proved that the individualization of the personality and the formation of law in the modern sense are possible only in the cities. Features of typical samples of the city life which contrasted with the feudal-clerically way are considered. The reasons of a decline of the cities-communities and an eminence of the centralized states become clear. The conclusion is that creation of the constitutional law and order is a necessary condition of European civilization.

Keywords: community, self-government, barter, capitalism, Protestantism, municipal law, feudalism, constitutionalism.